Е.В. Пчелов

Несомненное мастерство и геральдическое «невежество» Юрия Фробоса (тарель 1675 г. из собрания Оружейной палаты)

Впервые опубликовано в: Ювелирное искусство и материальная культура. Тезисы докладов участников XVI коллоквиума / Государственный Эрмитаж. СПб., 2007. С. 74–76.

Золотая, украшенная эмалью тарель, созданная в 1675 г. ювелиром и мастером монетного дела, мастером Золотой палаты Юрием Вилимовым Фробосом (Фробусом) для царя Алексея Михайловича, считается одним из шедевров кремлёвской Оружейной палаты. Тарель эта подписная, что представляет собой большую редкость среди предметов художественной эмали того времени.

Тарель 1675 г. – первое известное произведение мастера, который проработал в Золотой палате больше четверти века. После упразднения Золотой палаты в 1700 г. Фробос трудился на Московском Кадашёвском монетном дворе в качестве резчика монетных штемпелей (чем, по всей видимости, занимался и раньше). Умер он в ноябре 1708 г. По происхождению Фробос, вероятно, был голландцем.

Тарель богато декорирована, насыщена цветными изображениями гербов, и хотя внимание исследователей к этой вещи было привлечено ещё в XIX в., детально с эмблематической точки зрения она, как ни странно, не исследовалась. Так, единственное описание гербов тарели в отечественной науке принадлежит Н.А. Соболевой, но оно не полное, а кроме того, не учитывает ни количества, ни взаимного расположения эмблем. Между тем геральдические и символические изображения на тарели весьма интересны.

В центре, на дне тарели помещено изображение российского двуглавого орла, зелёного цвета (!), под тремя коронами, с поднятыми и раскрытыми крыльями, со скипетром и державой в лапах и центральным щитком с московским всадником на груди. Государственного орла окружает декоративная кайма с плодами и птицей, находящейся под орлом, подобные плоды и птицы расположены также между гербами «внешней» окружности. Центральное изображение сопровождает круговая надпись вязью: «Б(о)жиею М(и)л(о)стию Великии Г(о)с(у)д(а)рь Ц(а)рь и Великии Кн(я)зь Алексей Михайловичь Всеа Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержецъ». Надпись выполнена с наличием титлов, выносных букв и диакритических значков, с единичными, крайне незначительными помарками. Далее по окружности в шестнадцати медальонах-картушах расположены 17 эмблем земель, чьи наименования входили в царский титул. При этом восемь картушей большие и увенчаны пятилучёвыми коронами, а другие восемь – маленькие. Первое, центральное место непосредственно над двуглавым орлом занимает Новгородский герб (под названием «печать Новогородская»). Далее «большие» гербы распределены по «старшинству» упоминания в титуле – справа налево и сверху вниз, так, как это и было принято в русской культуре того времени при определении расположения чего бы то ни было по отношению к центру. Однако на месте следующей «Казанской печати» помещена астраханская эмблема и наоборот. В целом же эти восемь печатей (новгородская, казанская, астраханская, сибирская, псковская, смоленская, тверская и пермская) отражают начальную часть объектного царского титула, который по указу «О титуле Царском и о Государственной печати» 1667 г. звучал следующим образом: «Мы, Великий Государь, Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всея Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержец, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Сибирский, Государь Псковский и Великий князь Смоленский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных Государств, и Великий князь Новагорода Низовския земли, Черниговский, Рязанский, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский и всея Северныя страны

Повелитель, и Государь Иверския земли Карталинских и Грузинских царей и Кабардинския земли Черкасских и Горских князей и иных многих Государств и Земель, восточных и западных и северных, отчич и дедич и Наследник и Государь и Обладатель».

Тем не менее налицо и расхождения по сравнению с титулом: так, на тарели отсутствуют гербы Киевский и Владимирский (в титуле эти объекты следуют перед определением «Новгородский»), а также Югорский, следующий между Тверским и Пермским.

Напомню, что тарель сделана в 1675 г., когда уже существовал такой известный памятник русской книжности, как «Титулярник» (созданный в 1672 г.), выполнявший роль своего рода официального российского земельного гербовника.

Помимо изображений в «Титулярнике» известны и словесные описания его эмблем – это т.н. «Описание гербам», которое, по предположению издавшей это произведение О.А. Белобровой, послужило источником для рисунков гербов в «Титулярнике». Однако, геральдические изображения в «Титулярнике» и на тарели различны. Не совпадают изображения на тарели и с текстовым описанием земельных гербов. Например, «Новгородцки. Престол, на нем светильник с тремя свещи, а на нем же крест да посог, посторонь два медведя, передними ногами держат престол, под престолом озеро, а в нем две рыбы» («Описание»), а на тарели изображён не престол, а ступенчатое «место», свечи отсутствуют, креста и рыб также нет. «Сибирский. Два соболя, над ними коруна, передними ногами держат меж собою лук, да накрест положены две стрелы». А на тарели – упрощённый вариант: два соболя держат направленную вниз стрелу. В изображении псковского герба отсутствует выходящая из облака рука над барсом. В пермском гербе на спине медведя должно было помещаться евангелие, которого также нет. Анализ других эмблематических изображений выявляет и другие, многочисленные отличия и от рисунков «Титулярника» и от «Описания гербам».

В то же время с гербами из «Титулярника» Фробос был несомненно знаком. Это подтверждает один из малых щитков на тарели, где изображены печати Удорская и Обдорская. Они соединены в одном щите точно таким же образом, как и соответствующие гербы в «Титулярнике» (Удорская наверху, Обдорская внизу). Тем не менее отличия в изображениях позволяют думать, что прототипом для Фробоса служили какие-то более архаичные варианты земельных эмблем, нежели отразившиеся в «Титулярнике» более поздние варианты. На какие же изображения опирался мастер? Из дошедших до нас памятников довольно близко к «печатям» тарели Фробоса стоят «печати» саадачного покровца «Большого наряда» царя Михаила Фёдоровича (вторая половина 1620-х гг.). На покровце помещено 12 земельных «печатей». Здесь мы находим почти точные аналоги изображений. Так, совпадают печати псковская, пермская, ближе к фробосовскому «варианту» печать новгородская (У Фробоса нет рыб в нижней её части), сибирская (на саадаке между соболями изображено дерево, у Фробоса – стрела) и др. Столь же очевидную близость с эмблемами тарели демонстрируют эмблемы и ещё одного саадака – царя Алексея Михайловича, выполненного мастером Прокофием Андреевым в 1673 г. Здесь всего 8 земельных эмблем. Бóльшая часть из них повторяет эмблемы саадачного покровца Михаила Фёдоровича, но Сибирская печать имеет существенное отличие – между соболей расположено не дерево, а направленная остриём вниз стрела. Именно этот вариант сибирского герба отражён на тарели Фробоса. Существенно, что так же как и в случае с тарелью 1675 г., для мастеров, делавших саадак 1673 г., «Титулярник» 1672 г. не был образцом. Таким образом, вероятно, «Титулярник» (и «Описание гербам»), по-видимому, далеко не сразу стали выполнять функцию официальных образцов для изображений земельных эмблем, и долгое время в этом отношении сохранялась заметная инвариантность. Очевидно, что образцами для Фробоса послужили не миниатюры «Титулярника», предназначавшегося для внутреннего, «придворного» и приказного «использования», а эмблемы парадного царского воорружения, к которому относились и саадачный покровец Михаила Фёдоровича и саадак Алексея Михайловича, бывшие, как

говорится, «на виду» (возможно, в качестве прототипов выступали и другие предметы, на которых имелись геральдические изображения).

Аналогичная картина наблюдается и в случае другой «геральдической» тарели, 1694 г., приписываемой также Фробосу (хотя это и вызывает сомнения). Эта тарель была подарена царицей Натальей Кирилловной своему внуку царевичу Алексею Петровичу. Здесь изображения эмблем менее тщательно выполнены, но в целом, сопадают с эмблемами предшествующей тарели. Например, Новгородская печать почти идентична варианту тарели 1675 г., но вместо трёхступенчатого места-«трона» изображён церковный престол в виде аналоя, что более соответствует варианту «Титулярника», но опять-таки не повторяет его. Видимо, мастер следовал определению «престол», предполагая его церковную, а не светскую («трон») семантику.

Однако самая загадочная часть тарели 1675 г. – это восемь *малых* щитков с гербами. Их расположение и вовсе не подчиняется никаким закономерностям, во всяком случае, с порядком перечисления земель в титуле оно не соотносится. Это гербы Вятский, Болгарский, Нижегородский, Рязанский, Ростовский, Ярославский, соединённый Удорский и Обдорский (соединённые таким же образом, как и в «Титулярнике») и ещё один, неизвестно какой. Если сравнить количество гербов с объектным титулом, то выяснится и вовсе странная вещь – комплекс «печатей» тарели не соответствует титулу 1667 г. Ближе всего он стоит к тому титулу московских царей, который использовался до начала малороссийской эпопеи и войны с Речью Посполитой. Гербы на тарели Фробоса почти точно соответствуют этому, более раннему варианту титула, за исключением отсутствующей на тарели Югорской и с добавлением Смоленской эмблем.

Рядом с каждой из малых «печатей» помещены буквы, её означающие. В некоторых случаях их написание ошибочно: так в сочетании букв ПР – «печать Ростовская», Р написано в зеркальном отражении. Нижегородского оленя почему-то сопровождают буквы ПП. Да и вообще надписи к гербам-печатям сделаны крайне небрежно. Можно привести такие примеры написаний, как «печать Сивирская», не соединённые между собой части букв в словах «Астраханская» и «Пермъская». Стиль надписей резко контрастирует с текстом основного титула, расположенным вокруг двуглавого орла. Создаётся впечатление, что их делали два разных человека – один хорошо знал русское письмо, да ещё и в форме вязи, второй – слабо ориентировался в русском языке, а скорее всего просто переписывал русские буквы, наделав немало погрешностей. Ясно, что этим вторым и мог быть не столь давно приехавший в Россию Юрий Фробос.

Ещё одна странность заключается в том, что новгородская эмблема (трёхступенчатое «место»-престол вместе с лежащим на нём посохом, но без медведей) ещё раз помещена на тарели – теперь уже среди гербов меньшего размера, сопровождаемая буквами ПР. Буква Р никакому названию в титуле не соответствует, и что она означает, остаётся непонятным. Возможно, эта буква на самом деле могла обозначать Чернигов, но изображение герба на тарели никак с черниговским не сходно, да и определение «Черниговский» в царском титуле появилось только в 1667 г. Из других территориальных объектов на тарели пропущено Белоозеро, может быть, буква Р предполагала на самом деле перевёрнутую букву Б? Однако, и здесь никакого сходства с Белозерским гербом, как он известен по «Титулярнику», не прослеживается. Вообще же при внимательном анализе изображений и надписей создаётся впечатление, что буквы у «печатей» и сами рисунки «печатей» тоже выполнялись разными мастерами, поэтому и возникали такие ошибки.

Интересен также окружающий гербы декор, символизирующий, возможно, изобилие – это изображения плодов и птиц (все птицы, кроме, кажется одной, попугаи), находящие многочисленные и интересные аналогии в памятниках декоративно-прикладного, ювелирного и монументального искусства военного, дворцового и церемониального характера Московского царства того времени. Интересно совпадение элементов декоративного оформления с декором на саадаке 1673 г.: картуши с гербами там также окружены стилизованными стеблями и цветами с сидящими рядом попугаями.

То, что талантливый мастер, иностранец Юрий Фробос запутался в царском титуле и земельных гербах в общем-то неудивительно. Замечательно другое: несмотря на эти ошибки, его работа, вероятно, настолько понравилась Алексею Михайловичу, что Фробос благополучно проработал в России почти три десятка лет. Существует предположение, что тарель 1675 г. была первой вещью, своего рода «пробой пера», при поступлении Фробоса на русскую службу. Но в челобитной 1708 г., опубликованной Е.С. Щукиной, Фробос указал, что работает для государя «лет сорок и больше», следовательно, в России он появился не позднее 1668 г., если только писал тогда правду.

© Русская антропологическая школа, 2009.